

О РОССИЕВЕДЕНИИ В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОПАСНОСТИ

И.И. Глебова

*Институт научной информации общественных наук
(ИНИОН) РАН*

Аннотация: *Предметом рассмотрения статьи является процесс институционализации в отечественной науке особого научного направления — россиеведения. Автор анализирует историю этого направления, специфику его объекта и методологии, обосновывает социальную и политическую значимость. В предлагаемом автором исследовательском ракурсе одной из ключевых тем в россиеведении выступает теоретическое осмысление выхода России из тоталитарной модели и попыток строительства неавторитарного типа общества.*

Ключевые слова: *россиеведение, европоцентризм, цивилизация, тоталитаризм, посткоммунистический транзит.*

Центр россиеведения был создан в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН в 2008 г. Эта организационная мера была продиктована стремлением изучать Россию как особый социально-исторический феномен. Центр мыслился как один из инструментов её решения, одна из дискуссионных площадок, на которой предлагаются и обсуждаются, приобретая публичный статус, адекватные этой задаче подходы, идеи, концепции.

Научные подразделения по изучению России возникли в 2000-е годы не только в ИНИОН. Приблизительно такие же исследовательские задачи ставили перед собой Институт русской истории Российского государственного гуманитарного университета, Центр по изучению России Российского университета дружбы народов, соответствующие центры в региональных университетах (например, Центр по изучению России и Сибири Екатеринбургского университета). Видимо, появление таких структур в постсоветской России не случайность.

* * *

По понятным причинам в СССР изучение российской социальности не выделилось в самостоятельное исследовательское направление. Этим в равной мере занимались историки, экономисты, юристы, когда стало можно — социологи, демографы и т. д. Карикатурной, неудачной попыткой преодоления ситуации «разделённости», дискретности (правда, не с целью анализировать именно Россию) была дисциплина «научный коммунизм», которую учредили в

1960-е гг. В рамках этой дисциплины пытались синтезировать разные области социально-гуманитарного знания, дав им общую методологию. Попытка не удалась. Догматический советский марксизм-ленинизм в качестве такой методологии полностью себя дискредитировал.

На рубеже 1980–1990-х годов российская наука перешла к массовой рецепции исследовательских подходов, возникших в западном обществоведении. Симптоматично, что этот переход имел и политическое измерение. Как и почти столетие назад, у власти оказались люди, опиравшиеся на очень влиятельные в мире научные теории: если в 1917 г. это был марксизм, то в начале 1990-х — экономический неолиберализм. И большевистские, и либерально-экономические эксперименты доказали, что западные методы к русскому материалу малоприменимы. Похожая ситуация сложилась и в науке. С помощью большинства модных в 1990-е годы западных концепций не удавалось адекватно описать российскую реальность.

Таким образом, после отказа от марксистско-ленинской идеологии и осознания недостаточности западных исследовательских методологий «обнаружился» если не вакуум, то *очень существенный дефицит понимания того, что происходило и происходит в России*. В этих условиях и стали возникать подразделения по её изучению. Во всяком случае, по этой причине создан Центр россияведения ИНИОН РАН.

Институционализация россияведения требовала прежде всего выработки самых общих представлений о задачах и направлениях этой деятельности (иначе говоря, о её предмете). С нашей точки зрения, россияведение — это попытка исследовать Россию целостно и преодолеть узость, ограниченность «отраслевых» подходов (иначе говоря, выйти за рамки историко-, экономо-, политико- и любой другой центричности). При этом мы не предлагаем отказываться от традиционной классификации наук и не выступаем за то, чтобы механически свести воедино разные области знания, прикрываясь «легендой» междисциплинарности. Нам представляется, что, работая в рамках определённого «раздела» социальной науки, следует иметь в виду Россию как целое в качестве обязательного «фона» и соотносить различные темы (природу и географию, экономику и политику, право и культуру, в том числе бытовую, семейную и т. д.) с этим целым.

Таким образом, россияведение предполагает наличие особого объекта анализа — России. В науке есть достаточно авторитетное мнение: Россия не является самостоятельной цивилизацией. Отсюда попытки её изучения в рамках Запада или Востока. Нам, однако, кажется очевидным: та «историческая субстанция», которая в разные времена называлась Московским царством — Российской империей — СССР — Россией (и имела преемственные связи с Киевской и княжеско-удельной Русью, а также Золотой Ордой), демонстрирует культурную общность и особость. Кроме того, эта целостность локализована в очень определённой (не схожей ни с какой иной) природно-географической среде.

В исторической ретроспективе мы имеем дело с чередой России — разных, но и чрезвычайно схожих. И эти России полностью не вписываются ни в европейский, ни в азиатский ход исторического развития. Отсюда и предложение изучать их как определённый культурно-исторический тип¹. Не раз и навсегда заданный, но постоянно изменяющийся и сохраняющий при этом особенные, типические черты. Существующий не отдельно от всех, но наряду с другими культурно-историческими типами — в общем темпоральном, цивилизационном контексте. Речь при этом не идёт о выявлении какой-то российской исключительности (или «экзотичности»). Нас интересует то *особенное*, что входит в ткань *исторического бытия данной культуры* (общечеловеческое, разумеется, не отменяется).

Настаивая на необходимости россияведения, мы вовсе не выступаем за создание какой-то интегральной науки о России. Да, существует востоковедение, которое является попыткой *западной* науки понять специфику *незападного* общества. И с этой целью на передний план

¹ Термин «культурно-исторический тип» принадлежит Н.Я. Данилевскому. Уважая заслуги этого мыслителя, мы вкладываем в этот термин несколько иной смысл: скорее, метафорический, чем претендующий на «научность», и уж никогда (как у Николая Яковлевича) — морфологический.

при изучении Востока выдвигаются дисциплины, которые в ходе анализа Запада таких позиций не имеют: культурная антропология, например. Но какой-то новой целостной науки о Востоке так и не было создано. Это связано, кстати, и с тем, что никакого единого Востока не существует, а значит, нет единого предмета науки. Имеется, так сказать, много Востоков. Единственное, что их объединяет, — они не Запад. Иными словами, остаётся исследовать Восток как не-Запад. Но это, безусловно, и содержательно, и методологически неадекватно. Правда, существуют американистика, франковедение, германистика и т. д. Однако для самих западных учёных эти направления, как правило, связаны с филологическими науками. В российской же традиции — это прежде всего изучение *данной, конкретной страны*, а не какой-либо другой. Принципиально новой науки для этого не требуется.

Россиеведение — это определённый подход, определённая точка зрения на Россию. В рамках такого подхода утверждается: наука не может принять какую-то культуру за норму и подходить к другим культурам с позиций этой нормы. Наука не может рассматривать разные культуры сквозь призму некоего универсального общества и предлагать в их отношении решения, которые дало бы это универсальное общество. Россиеведение предполагает изучение России с позиций не «дóлжного», а «сущего»; исходит из необходимости признания «нормативности фактического» (т. е. «наличной») социальности — данной экономики, данной политики и т. д.); нацелено на описание этих «данностей». Всё это, конечно, не означает морального релятивизма, а также искусственного выделения России из общего исторического потока, противопоставления её человечеству и общечеловеческому, отрицания традиций русского европеизма, совместимости нашей страны со свободой и демократией и т. п.

Следует подчеркнуть: мы особенно не держимся за термин «россиеведение». Более того, не убеждены в том, что «россиеведение» — лучшее название. Но мы пользуемся им так же, как термином «востоковедение», подчеркивая тем самым, что для изучения Востока недостаточно только традиционных научных дисциплин, евро(западно)центричных подходов, методологий; в Востоке есть нечто, что в них не укладывается. Мы избрали «россиеведение», поскольку полагаем этот термин содержательно нейтральным и не имеющим каких-то «опасных» коннотаций.

Кроме того, «россиеведение» уже имеет свою историю. Этот термин активно применялся в образовательной системе России конца XIX – начала XX вв. Одним из первых в постреволюционные годы его употребил Петр Савицкий — лидер евразийства, крупнейший специалист по политической, экономической географии, геополитике и т. д. В то же время (в 1920–1930-е годы) в немецкой науке появилось понятие «*Russlandskunde*» («россиеведение»), обозначавшее целостный подход к изучению России. Позже в послевоенной англоязычной науке возникло направление «*russian studies*» («русские исследования»). То есть аналоги «россиеведения» есть в языках, обеспечивающих современные научные, межкультурные коммуникации.

* * *

Надо сказать, что убеждение в необходимости россиеведения разделяется далеко не всеми в России. Напротив, бóльшее число российских исследователей и сегодня в общем и целом удовлетворены тем научным инструментарием, который дает западная наука. (А это и есть основной инструментарий современного социально-гуманитарного знания.) Более того, в попытке сконструировать россиеведение они видят очередной эксцесс русского утопизма, которому свойственно преувеличение национальной специфики.

Должна признать, что россиеведение действительно опасно в русском варианте. Встав на этот путь, легко дойти до того, что по-немецки называется «*Sonderweg*». Это и есть реальная проблема россиеведения: как бы не поддаться искушению «особого пути». Показательно, что «россиеведение», предлагаемое в современной России в качестве учебного курса, становится чем-то схоже с «научным коммунизмом» советских времён. Кроме того, под прикрыти-

ем «россиеведения» предпринимаются попытки «прочтения» России с позиций либо чернотенных, либо псевдонаучных (зачастую эти позиции представлены в смешанном виде). Они несут в себе безответственные, но легко заражающие мифы. В этом смысле россиеведение действительно является социально опасным начинанием.

Однако существует и другая, не менее серьёзная опасность: не понять, не распознать того, что происходит в России, если мерить «русское» меркой Франции, Бельгии и т. д., не замечать особенностей этого «русского». Причём это опасно и с научной, и с социальной точек зрения. В конечном счёте, наука должна, насколько это в её силах², адекватно представлять хотя бы ближайшие возможности и потенциалы изучаемого общества. Россиеведение, какие бы подходы оно ни предлагало, предназначено именно для этого — в этом и состоит его неотменяемый вызов.

Чтобы не впасть в одну из этих крайностей, необходимы сочетание, соединение, синтез разных исследовательских подходов. Россия — чрезвычайно сложное образование. В ней есть и европейское, и евразийское, и азиатское начала. У России (как, впрочем, и у любой другой страны) может быть несколько идентичностей. И она всегда находится перед выбором: что будет доминировать, что возобладает. Вот уже в течение нескольких столетий доминантой для России является европейская ориентация. Отсюда — тяготение учёных к соответствующим познавательным методам и моделям. И то, что подавляющее большинство диагнозов и прогнозов, сделанных в рамках этих подходов, себя не оправдывают, объясняется не их неадекватностью, а сложностью, неоднозначностью объекта исследования.

* * *

К России, безусловно, применима европоцентричная исследовательская логика, поскольку — и мы только что сказали об этом — в её природе есть и европейские основы. У нас с Европой общие христианские истоки (отличия православия от католичества и протестантизма не отменяют того, что все эти «виды» находятся внутри одной «семьи»). А это значит, что в сердцевине русской культуры, как и у всех европейских, тема личности (Христос — Богочеловек, Он — Истина). В этом смысле мы с Европой родственны.

Кроме того, близость рождается из связей, из общей истории. Киевская Русь — хоть и окраинная, но значимая часть христианской ойкумены. К северо-европейской цивилизации во многом принадлежала Новгородско-Псковская Русь. Европейцы издавна присутствовали в русской истории³: и «по позитиву» (жили, работали, учили), и «по негативу» (конфликтовали, воевали). Начиная со Смуты, контакты Московии с Западом становятся постоянными.

Петровская эпоха помогла становлению русской культуры как европейской по преимуществу. Даже в традиционной деспотической государственности стали проглядывать европейские черты — со временем всё больше и больше. С начала XVIII столетия (а, может быть, даже и раньше — с XVII в.) Россия признавалась частью европейской политики. Более того, она таковой и была. Как бы ни отличалась наша страна в XVIII – начале XX вв. от других европейских держав, она принимала самое активное участие в европейском концерте. Всё это говорит за европейскость России.

И, наконец, не будем забывать: наиболее благоприятные периоды в русской истории случались тогда, когда Россия выбирала европейскую ориентацию. На этом пути она становилась нормальной и современной страной. Подчеркнём: чтобы стать современной (во всех отношениях — в том числе в научном), России нужна именно европейская «прививка».

² Надо понимать, что ресурс науки ограничен. Какие-то вещи она принципиально не может описать, в отношении других способна сделать лишь предположения. В науке не может быть всё известно, понятно, легко объяснимо. — Это не съезды КПСС, не партийные программы. Она имеет дело с реальной жизнью — и часто отступает перед её сложностью.

³ Хотя, конечно, мы знаем и времена русской изоляции. Бóльшей частью — самоизоляции.

В то же время Россия, конечно, не является европейской страной в классическом смысле. Принадлежать к европейской цивилизации — значит наследовать античной цивилизации Греции–Рима, быть христианско-католической, пройти феодализм, Ренессанс, Реформацию, Просвещение, капитализм и пр. Это означает преобладание тенденции к господству права, устройство власти и на договорных отношениях, а не только на насилии. Это предполагает развитие науки, университетов и, безусловно, определённые природно-климатические условия.

Кстати, особое значение для России (для толкования её как «не-Европы») имеют пространства: и их неевропейская природа (климат, огромность, неосвоенность), и неевропейский способ освоения (экстенсивный, эксплуатационный, «неэкологичный»). Это, пожалуй, одна из главных дилемм русской истории: «азиатские» пространства и действующий на них человек с некоторыми европейскими чертами характера.

Россия большинству условий «классической европейскости» не соответствует. Поэтому нельзя отказать в глубоком понимании российского исторического пути таким мыслителям, как Чаадаев, славянофилы, евразийцы. Это не значит, что мы с ними полностью или во многом согласны, но некоторые их наблюдения, выводы представляются вполне релевантными.

* * *

Итак, для познания такой культуры, как русская, требуется особая исследовательская оптика. Применение к России того инструментария, который выработан западной социально-гуманитарной наукой, позволяет понять «русское» в том объёме и на той глубине, на котором и в которой Россия — страна европейская. Изучение же России с *россиеведческих позиций, акцентирующих особенность российского исторического развития*, позволяет понять «русское» в том объёме и на той глубине, в которых Россия не есть Европа.

Нам очевидна необходимость того, чтобы учёные, даже расходясь во мнениях, говорили на *научном* языке и исходили из презумпции свободы исследования. Кроме того, при различии подходов к изучению России науке требуется общее, объединяющее целеполагание: Россия демократическая, либеральная, правовая, плюральная, социальная и т. п. Эта ориентация — единственно возможный двигатель развития страны. А значит, и единственно приемлемый контекст для исследований. Вне ценностных измерений социально-гуманитарная наука теряет свои общественные роль и значение. Поэтому именно и только в таком контексте, в таком виде россиеведение в России не только возможно, но и необходимо.

* * *

Следует также сказать, что задачи и цели россиеведения со временем могут меняться. Точнее, в какой-то период на первый план выходят одни задачи и цели, в другой — другие. Когда мы в ИНИОН создали Центр россиеведения и приступили к изданию «Трудов по россиеведению» (к 2015 г. вышли пять выпусков общим объёмом 145 а. л.⁴; кроме того, публиковались материалы семинаров Центра⁵), главную задачу мы видели в том, чтобы научиться рассматривать Россию как целостный социокультурный и социоисторический феномен. При этом признавалась та самая «недостаточность» западной науки в изучении России, о которой мы уже говорили.

По прошествии семи лет основные задачи россиеведения нам видятся несколько иначе. И это связано с поведением самого объекта исследования — России. В последние три года она совершила очередной исторический поворот, вновь «обманув» большинство её исследователей. Сегодня перед нами в значительной степени другая страна, другое общество. О сохранении этого поворота я говорить не буду, поскольку он очевиден для всех — правда, с

⁴ См.: Труды по россиеведению... 2009; 2010; 2011; 2012; 2015.

⁵ См.: Социальная память... 2010; Современная Россия... 2013.

разным к нему отношением. И теперь в фокусе нашего внимания — изучение причин этого поворота, его глубины. Что предполагает поиск новых подходов и к советскому прошлому, к которому, кстати, апеллируют идеологи этого поворота, и к постсоветскому историческому пути, сегодня уже почти четвертьвековому.

Когда-то выдающийся русский историк Р.Ю. Виппер писал: «Произошло всё как раз наоборот предвидению теории — мы притягивали историю для объяснения того, как выросло Русское государство и чем оно держится. Теперь факт падения России, наукой весьма плохо предусмотренный, заставляет... проверить свои суждения. Он властно требует объяснения, надо найти его предвестия, его глубокие причины, надо неизбежно изменить толкования... науки» [Виппер 1921: 3]. Виппер имел в виду ситуацию революции 1917 года — до и после. Только со временем стало понятно, насколько верен этот «призыв».

В XX в. в России возник особый тип общества — иной по сравнению с той социальной структурой, с которой имела дело западная наука (с которой до него вообще имела дело наука). Его познание требовало действительно принципиального концептуального обновления. Социальная наука на Западе в основном занималась массовым, т. е. «открытым» (в терминологии К. Поппера), плюралистическим обществом. В рамках же СССР сформировалось массовое общество «закрытого» типа, где всячески подавлялись индивидуализм и индивидуальность с их претензиями на автономию, свободу, права, право, с потребностью в их институционализации. Всё строилось по преимуществу на массовых инстинктах (выживания/самозащиты), иллюзиях, энтузиазме, «вере», привычке к подчинению, страхе и т. п. И, конечно, это общество не предполагало саморефлексии. Поэтому попытки его понять имели по преимуществу ненаучный характер (как «Архипелаг ГУЛАГ»⁶).

Несмотря на то, что изучение и описание советского общества продолжается уже едва ли не столетие, многое в нем ещё не понято. Мы пока не обладаем точным (повторим: насколько это вообще возможно в науке) знанием об истоках, генезисе, природе и причинах гибели этого феномена. В качестве примера отметим: по сей день нет даже определённой ясности в том, есть ли «советский коммунизм» (или, говоря очень условно, советский коммунистический тоталитаризм) «домашнее», внутреннее дело русской истории или Россия была им инфицирована. Ведь если верно последнее, то коммунизм принадлежит всему человечеству или хотя бы какой-то другой, нерусской его части. А может, «советский коммунизм» явился комбинацией двух этих внешне противоположных причин? Или вообще прав А. Зиновьев, видевший в истории человечества два основных социальных потока: коммунально-коммунистический и «цивилизационный», связанный с поступательным развитием цивилизации и постепенным «очеловечиванием» человека как природно-биологического вида?

Да и западная советология, которая профессионально занималась исследованием «русского коммунизма» и достигла здесь значительных успехов, не выработала его адекватного понимания. Советологи, хотели они этого или нет, в известном смысле (не все, конечно) оставались бойцами идеологического фронта войны с коммунизмом. И это, вне зависимости от их личных намерений, во многом превращало цель анализа в цель, по которой ведётся огонь. Повторим, несмотря на все усилия западных и российских исследователей, не преодолён дефицит понимания советского общества. (Во многом из потребности его восполнить и возникло россиеведение.) Кроме того, из всего изученного и описанного пока не сделаны социальные выводы.

И, наконец, самое главное. Все убедительные и авторитетные концепции советского общества создавались либо ещё в период его существования, либо сразу после *видимой* кончины. История последних пятнадцати лет показала: «советский коммунизм» во многих своих сущностях сумел выжить в ходе Великой Преображенской (А.И. Солженицын) = Великой

⁶ «Ненаучность» этой русской одиссеи XX века не есть какой-то её изъян. «Опыт художественного исследования» — так сам Александр Исаевич определил жанр «Архипелага». Мы же скажем: для русского самопознания эти три тома имеют такое же (не меньшее!) значение, чем поэма «Мёртвые души».

криминальной (С. Говорухин) = Великой демократической (демократы) = Великой антикоммунистической (антикоммунисты) = Великой национал-освободительной (национальные освободители) и т. д. революций. Он пожертвовал, кажется, всем — наличным государством, хозяйственным укладом, территорией, идеологией и т. д. Но сохранился в нас — в наших головах, инстинктах, поступках⁷. Он разлит в воздухе, которым мы дышим. То есть он оторвался от видимых «материальных» субстанций, превратившись в нечто квантоподобное. И в этом смысле «коммунизм» (название, повторим, весьма условное, но и символичное — в том смысле, что современный мир движется в прямо противоположном направлении: его вектор — антикоммунистический) — это действительно призрак, который бродит по России.

То, что случилось с советским обществом, с режимами советского типа в конце XX в., стало новым вызовом для науки. Вызовом, который в полной мере осознан только теперь. Поэтому ключевой для россиеведения мы считаем тему теоретического осмысления выхода России из того, что можно назвать тоталитарной моделью, и попыток строительства какого-то иного (не тоталитарного и не авторитарного) типа общества. В науке существуют различные объяснительные подходы к темам происхождения и бытования тоталитарных режимов. Распад же тоталитаризма и эволюция общества в каком-то другом направлении прописаны недостаточно. Правда, есть знаменитые теории демократического транзита, есть постсоциалистический опыт стран Центрально-Восточной Европы, который, кстати, был во многом обусловлен интеграцией этих стран в ЕС и НАТО. Русский же посткоммунистический «транзит» оказался иным. Поэтому мы и хотим его понять.

Виппер Р. 1921. *Кризис исторической науки*. — Казань : Гос. изд-во.

Современная Россия... 2013. *Современная Россия: Дискуссия*. — М.: ИНИОН.

Социальная память... 2010. *Социальная память в институциональном измерении: Постсоветский архив*. — М.: ИНИОН.

Труды по россиеведению... 2009. *Труды по россиеведению*. — Вып. 1. — М.: ИНИОН.

Труды по россиеведению... 2010. *Труды по россиеведению*. — Вып. 2. — М.: ИНИОН.

Труды по россиеведению... 2011. *Труды по россиеведению*. — Вып. 3. — М.: ИНИОН.

Труды по россиеведению... 2012. *Труды по россиеведению*. — Вып. 4. — М.: ИНИОН.

Труды по россиеведению... 2014. *Труды по россиеведению*. — Вып. 5. — М.: ИНИОН.

⁷ Когда мы говорим об этом феномене, то имеем в виду вполне определённые качества, ему свойственные: насилие и упрощение в решении любых социальных вопросов, элементаризация восприятия наличной действительности и природы человека, отсутствие толерантности (жизнь по принципу «или-или»: кто не с нами — тот против нас), забвение всяких правовых процедур, постоянные ложь и фальсификации, которые выдаются за борьбу с фальсификациями, тяга не к производству и приращению, а к переделу наличной вещественной субстанции (в развитых обществах именуемой национальным богатством) и перераспределению её не в общую, а в индивидуальную и групповую пользу, воинствующие антисолидаризм и антииндивидуализм, «чудобесие», «беспочвенность» — агрессивное отрицание традиции как культуры и т. п. Всё это воспроизвелось в посткоммунистической России — и не в качестве периферийных явлений («пережитков»), а тотально, победно, реваншистски.